

Келлер Эмма Александровна

В 1941 году нашу семью репрессировали и сослали в Томск вместе с другими немцами Поволжья. Когда нас привезли в Томск, то разместили на ул. Горького 18. В доме была большая кухня и большая печь. Нас было пятеро: мама, бабушка, отец, я и моя сестра Берта. На новом месте нам жилось трудно, на работу нас не принимали. Как узнают, что мы немцы, то нас и не брали.

Потом папу взяли в трудармию и увезли в Тульскую область. Мама устроилась на работу около Лагерного сада на манометровый завод, эвакуированный из Москвы и Ленинграда.

Я долго не могла нигде найти работу, потом и меня взяли к ней на работу в гальванику в отдел живописки, где покрывали светомассой циферблаты для кораблей, самолетов, танков, подводных лодок. Так как часы находились в темноте, то циферблаты светились

Затем туда взяли на работу мою младшую сестру Берту.

Работали сутками по 12 часов. Я приходила в гальванику к маме и очень любила эту работу. К Первому мая нас с мамой наградили грамотами: «Смерть немецким оккупантам», дали премии по 200 руб. и отправили работать в район в МТС. Директором завода был Грушин очень хороший человек.

Затем меня и маму вызвали в отдел кадров, подали нам трудовые книжки и сказали, что немцев убирают с завода и переводят на другую работу. В июне 1942 г. получили приказ перейти на лесоперевалочный завод на Черемошниках. Там мы работали с мамой, должны были таскать бревна. Но какие мы работники на бревнах? На работе мы не были оформлены. Окружающие стали над нами смеяться, что мы работаем без оформления. Нам стало не по себе, поэтому мы с мамой ушли с завода и стали работать на электростанции около драмтеатра. Поработали немного. Приходим домой, бабушка говорит, что приходили из милиции и попросили прийти к ним с паспортами.

Мы пришли туда, нас забрали, посадили за барьер, отобрали паспорта и осудили на 4 месяца за самовольный уход с работы. Дисциплина во время войны была строгая, за самовольный уход с работы судили на 8 лет.

Меня и маму под ружьем с преступниками и собаками повели в тюрьму. Во время проверки меня взяли в этап, мама осталась. В этапе меня гнали с собаками под ружьем до лагеря «Чекист», при распределении работы направили работать в механический цех завода. На заводе работала табельщицей, контролером, распределяла талоны заключенным. Условия проживания у них были лучше, чем на воле.

Они были сыты, получали горячее питание, по 800 гр. хлеба. У них был свой воровской закон: «На воле воруй, а здесь не смей брать пайку». Как-то я работала ночью, и видела как однажды заключенные били того, кто украл пайку хлеба у другого заключенного. Жить в лагере мне нравилось. Нас водили в баню через 10 дней.

Однажды ко мне добралась сестра, принесла мне письмо, в нем написано, что папа погиб в Псковской области. В это время у меня кончался срок, а мне обходной не приносят и не приносят. Пошла к начальнику, он сказал: «Вас оставили до особого распоряжения».

От этих событий я сильно заболела, на нервной почве покрылась болячками, отказали ноги, болело сердце. К тому же потеряла речь, говорить не могла, а только мычала, поэтому меня перевели в другую зону, где находились мамочки с новорожденными. Они ко мне очень хорошо относились. Когда я заговорила, меня вновь взяли в этап.

В этапе были разные люди, я идти не могла, сильно болели ноги. А вели нас опять с собаками под ружьем. Заключенные за меня заступились и попросили конвоиров посадить на подводу. Привезли нас опять в тюрьму, там мы пролежали сутки. Меня никуда не взяли и вернули назад в лагерь к мамочкам.

Я никуда не ходила, ни с кем не общалась, лежала опустошенная, больная.

Вдруг приходит конвоир, подает мне обходную, и говорит: «Завтра на волю». Мне дали булку хлеба и рыбину. Пригласили дать подписку о неразглашении того, что я здесь видела и чем занималась.

Освободилась из лагеря в 1943 году. Вышла на волю вся больная, в телогрейке, в каких-то стоптанных ботинках. Подошла к дому, мама сидит за столом, так мы с ней встретились. Она стала меня мыть, вызвала врача, врач выписал мне пить дрожжи.

Когда освободилась пошла работать на ТЭМЗ в гальванику. Эту работу я очень любила. Работала по 12 часов, цех был огромный, работы много. Я и сейчас бы пошла заниматься этой работой.

9 мая 1945 г. кончилась война. Мы тогда, помню, с сестрой одели красивые платья и пошли на демонстрацию на пл. Революции. Погода была пасмурная, но какой это был праздник! Передать словами это невозможно, сколько радости и сколько горя перенесли люди.

После войны мы еще несколько лет были под комендатурой, каждый месяц ходили отмечаться. Я до сих пор помню коменданта Чумарова. На нашем жизненном пути встречалось много хороших и отзывчивых людей. К нам относились все очень хорошо.

Мастер Жукова Лидия Тимофеевна отправила меня на стройку клуба ТЭМЗ, делать нечего- пошла. Надорвалась на переноске кирпичей и пошла работать на фабрику культтоваров. В начале делала чемоданы, затем меня перевели в ОТК начальником. Делали карандаши, ручки, багеты.

В главном корпусе СФТИ при директорах Самолкине, Александрове, Тараканове Карбоинове, Кривове работала с 1957 по 1993 г.г. в гальванике. Гальваника была в центральном корпусе института, когда работа в институте качала разваливаться, я с работы ушла, хотя гальванику очень и очень люблю.

Работала народным заседателем 16 лет

Награды медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.(апрель 1992 , октябрь 1993), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. (1995), Ветеран труда (1987)

https://web.archive.org/web/20220108010227/https://www.tsu.ru/university/tsutoday/pobeda/trud/Keller_Emma_Aleksandrovna.php